

Гасконец на Тверской

В роли Д'Артаньяна – Владимир Андреев

независимая – 2002 – 30 мая – с. 8.

Григорий Заславский

«Благодарю вас навсегда...» – так высокопарно, строкой то ли баллады, то ли романа называется новый спектакль Театра имени Ермоловой. Автор пьесы – Евгений Евтушенко, жанр спектакля – музыкальная драма, в которой прозаические сцены то и дело перебиваются песнями главных героев. Но поэтический и публицистический запал Евтушенко слышен, конечно, и в нерифмованной речи героев – афористичной, метафоричной. Там, где нет места для поединков на шпагах, полем битвы становится разговор, и тогда персонажи обмениваются колкими репликами, которые еще некоторое время назад непременно бы вызвали смех в зале. Или даже аплодисменты все понимающей

интеллигентной публики. «Поэты – это шпионы будущего» – и сегодня найдутся те, кто готов оценить выдумку сочинившего этот афоризм поэта, но передавать эти слова из уст в уста вряд ли кто станет. Как и другие.

Однако же история про постаревшего Д'Артаньяна, которую в Ермоловском театре поставил Александр Поламишев (знатокам он известен как театральный педагог; несколько лет назад хвалили поставленный им дипломный спектакль «Господа Головлевы» в Шуйкинском училище), увлекает. Увлекает, хотя почти все сопротивляется удовольствию: декларации пьесы, неважная музыка Ирины Голубевой, пение в микрофоны и под фонограмму.

Что же хорошего тогда в этом спектакле? В основном –

Владимир Андреев. Он играет, остальные аккомпанируют (неважно). Хотя тут у Андреева – хорошие партнеры: Портоса играет Валерий Еремичев, Арамиса – Владимир Павлов, Королеву-мать – Ольга Селезнева, на роль Людовика и Узника в маске пригласили из чеховского МХАТа Сергея Шнырева. В иной режиссуре, при более критичном и соответственно жестком отношении к многословию пьесы каждая из этих ролей могла бы стать настоящей удачей. Но тут все играют как бог на душу положит.

Андреев – бесстрашный романтик. «Такое некрасивое, старое, морщинистое лицо», – говорит кто-то о старом его Д'Артаньяне. С волосами, забранными в хвост, на дружищах ногах, он, несмотря на

такую нелестную рекомендацию, легко вспрыгивает на стол и обратно, взлетает по лестнице, с видимым удовольствием встречает очередную, но, как оказывается потом, последнюю любовь... Д'Артаньян здесь, конечно, Д'Артаньян, но в манере Андреева, в повадках его капитана мушкетеров виден и слышен еще и Дон Кихот, и Алеша Попович, и даже обескураженный, битый жизнью интеллигент из пьес Леонида Зорина, и раблезианец, и почти одновременно – готовый к лишениям спартаец. В его игре – какой-то странный союз формального отыгрыша текста и живого театра; в нем столько искреннего волнения, столько живого участия, что даже прямые обращения в зал с призывами к добру и любви

не кажутся ни банальностью, ни совершенной бессмыслицей.

Театр, сильный не современными режиссерскими тенденциями, но умением рассказать человеческую историю, и здесь – при почти полном режиссерском «молчании» – сумел остаться верным себе. Не стесняясь того, что тем самым идет вразрез с течениями времени и нынешними тенденциями, Андреев хочет говорить о хорошем. Нелишний раз убеждая в том, что романтического героя невозможно сыграть: надо непременно и самому быть хотя бы немного романтиком. Андреев как раз такой. И потому, кажется, что-то получается из этой истории – поверх всех слов и необременительной режиссуры. ■

Андреев Владимир

30.5.02